

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Шут

В одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, говорит попадье:

– Ехать было к шуту, не сшутит ли каку́шутку!

Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает.

– Бог в помощь, шут!

– Добро жаловать, батюшка! Куды тебя бог понёс?

– К тебе, свет; не шутишь ли шутку мне?

– Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею.

Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадье и говорит:

– Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит.

Попадья тотчас отсчитала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дождаться, собрался и воротился к попадье. Она спрашивает:

– А где рыба-то?

– Какая рыба?

– Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал триста пудов рыбы; я ему триста рублей дала.

Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

□На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переоделся женщиной, взял пресницу^[1] и сел под окошко, сидит да прядёт. Вдруг поп:

– Бог в помочь!

– Добро жаловать!

– Дома шут?

– Нету, батюшка!

– Где же он?

– Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал.

– Экой плут! Видно, назавтрее приезжать.

На третий день приехал; шута всё нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу её домой, пусть зарабливает^[2] мои деньги». Спрашивает её:

– Ты кто же? Как шуту доводишься?

Она говорит:

– Сестра.

– Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, зарабливай их...

– Да что! Ехать дак ехать!

Собралась и поехала с попом. Живёт у него уж и долго.

□У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики – какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и высватал стряпку^[3], шутову сестру. Весёлым пирком да и за свадебку. Справили всё как следует. Ночью молодая говорит мужу:

– Высади меня в окошко по холсту поветриться; а как тряхну холстом, назад тяни.

Муж спустил её в сад; женошка привязала вместо себя козлуху, тряхнула – молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит – козлуха.

– Ох, злые люди испортили у меня жену-то! – закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить её в женщину, и совсем докончили-замучили: пропала^[4] козлуха!

□Шут между тем пришёл домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил:

– Милости просим, милости просим! – угощает.

Шут сидит, ест да пьёт; те-други разговоры; он и спрашивает:

– Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?

– Увёз, – говорит поп, – да и отдал взамуж за богатого купца.

– А как же, батюшка, без моего спросу отдали её взамуж? Разе^[5] есть таки законы? Ведь я просить пойду!

Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять:

– Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут.

Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

□Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно^[6] времени – сестры не видать, и говорит он:

– Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался.

Те посёмывают^[7]. Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили^[8], испортили её в козлуху.

– Покажите козлуху! – просит шут; они говорят:

– Козлуха пропала.

– Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас.

Те ну просить его:

– Не ходи, пожалуйста не ходи просить: чего хочешь бери!

– Отдайте триста рублей, не пойду!

Деньги отсчитали, шут взял и ушёл, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

□Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают:

– Чего, шут, везёшь?

– Деньги.

– А где взял?

– Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег.

Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жён, поделали гроба, склали на телеги и везут в город; везут и кричат:

– Покойников, покойников! Кому надо покойников?

Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, ещё с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» – и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отметить за насмешку; тот уж знал, вперёд изготовился.

□Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают:

– Как это козлуха-то семигривенник выронила?

– Она у меня завсегда серебро носит!

Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продаёт: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей. Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили её в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

□Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей жене:

– Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те поры стану просить у тебя обедать; раз скажу – ты не слушай, другой скажу – не слушай, и в третий – тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит – ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плётку, стегну тебя раз – ты пошевелись, в другой – ты поворотись, а в третий – скочи да на стол собирай.

Вот приехали шуты:

– Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя убьём.

– Дак что! Убьёте – так убьёте; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать.

Та ни с места; он вдругорядь приказывает – она ни с места; в третий раз говорит – то же самое. Шут схватил ножик, хлоп её в бок – кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались:

– Что ты наделал, собака? И нас упекёшь тут же!

– Молчите, ребята! У меня есть плётка; я её вылечу.

□Сбегал за плёткой, стегнул раз – хозяйка пошевелилась, в другой – поворотилась, в третий – скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят:

– Продай плётку!

– Купите.

– Много ли возмёшь?

– Триста рублей.

Шуты отсчитали деньги, взяли плётку, ступай с ней в город; видят – везут богатого покойника, они кричат:

– Стой!

Остановились.

– Мы оживим покойника!

Раз стегнули плёткой – покойник не шевелится, в другой раз – тоже, в третий, четвёртый, пятый – покойник всё не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетью стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря! Вот вам, лекаря!» До полусмерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не

докуль шуту над нами смеяться; пойдёмте убьём его! Чего на него смотреть-то?»

□Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится:

– Дайте хоть с женой да с роднёй проститься, приведите их сюда!

Ну, согласились, пошли все за роднёй; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает:

– А, шут! Пошто залез тут?

– Да вот высватали за меня убегом таку-то (называет её по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали.

Солдат был вдовый, говорит:

– Пусти, брат, меня в куль-от.

Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

□Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошёл куль ко дну – буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей – ух!

– Стой! – закричали семеро шутов.

Он остановился.

– Как ты из воды выбился?

– Эх вы, дураки! Разве не слышали: как пошёл я ко дну, то

сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что ещё! Я дрянь взял – спереди, а там дальше вороные – вот так лошади!

Шуты поверили:

– Спускай, брат, нас в воду; пойдём и мы коней выбирать.

– Извольте!

Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал:

– Ну, выезжайте же теперь на вороных!

---

[1] – Прялку.

[2] – Зарабатывает.

[3] – Кухарку, работницу.

[4] – Издохла.

[5] – Разве.

[6] – Много.

[7] – Переминаются, беспокоятся.

[8] – Заворожили, заколдовали.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Мёртвое тело

В некоем царстве, не в нашем государстве жила старушка-вдова; у ней было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала имение^[1] отказывать – кому что, и просит умных:
– Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну!

Вот старуха померла, умные братья разделили всё имение меж собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак.

– Что ты, дурак! – закричали на него братья. – Куда поволок?

А дурак в ответ:

– Вы двое всё добро себе забрали; мне одна матушка осталась!

Втащил наверх и принялся кричать во всё горло:

– Люди добрые, поглядите – матушку убили!

Братья видят – худо дело! – и говорят ему:

– Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублёв; вот тебе лошадь!

□Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повёз её, словно живую, на большую дорогу. Скачет навстречу ему барин, колокольчик под дугой так и заливаются: дурак с дороги не сворачивает.

– Эй ты, олух, вороти в сторону! – кричит барин.

– Сам вороти! – отвечает дурак.

Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскочил на дровни и опрокинул набок; старуха упала, а дурак завопил:

– Караул, караул! Барин матушку до смерти зашиб!

– Молчи, дуралей, вот тебе сто рублёв.

– Давай триста.

– Чёрт с тобой! Бери триста, только кричать перестань.

Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит – стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас снимал с них покрышки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую – ложку, а сам за кадку спрятался.

□ Немного погодя пошла на погреб попадьья; глядь – незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадьья ухватила палку, как треснет её по голове – старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать:

– Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!

Прибежал поп:

– Молчи, – говорит, – я тебе сто рублёв заплачу и мать даром схороню.

– Неси деньги!

Поп заплатил дураку сто рублёв и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают:

– Куда мать девал?

– Продал, вот и денежки.

Завидно стало братьям, стали сговариваться: «Давай-ка убьём своих жён да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут». Ухлопали своих жён и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи.

---

[1] – Имение – недвижимое имущество.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Солдатская загадка

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается:

– Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету.

А у ней в печи был варёный петух – в горшке, под сковородой.

Солдаты это дело смекнули; один – вороватый был! – вышел на двор, раздёргал воз со снопами, воротился в избу и говорит:

– Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест.

Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмётки^[1], а петуха в суму спрятали. Пришла старуха:

– Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!

Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили:

– Дай же, бабушка, поесть нам!

– Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!

И вздумала старуха похвалиться, что провела^[2] их, и заганула им загадку:

– А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?

– Нет, бабушка!

– А кто же, детоньки, вместо его?

– Да Липан Липанович^[3].

– А где же Курухан Куруханович?

– Да в Сумин город переведён, бабушка.

После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему:

– Поди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то.

– Да какую ты, матушка, заганула им загадку?

– А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет, баут, бабушка!» – «Где же он, родимые?» – «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, что́ у меня в горшке-то есть!

Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила.

– Ахти, дитяtko, обманули меня проклятые!

– То-то, матушка! Солдата не проведёшь, он – человек бывалый.

---

[1] – Изношенный, старый лапоть.

[2] – Обманула.

[3] – Курухан от слова: кур – петух; липан от слова: липа, потому что лапти плетутся из липовых лык.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Вороватый мужик

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер, а другой в дальнюю сторону уехал. Дня три спустя как уехал сын, приходит к ней солдат и просится:

– Бабушка, пусти ночевать.

– Иди, родимый. Да ты откуда?

– Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец.

– Ах, золотой мой! У меня сыночек помер; не видал ли ты его?

– Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили.

– Что ты!

– Он, бабушка, на том свете журавлей пасёт.

– Ах, родненький, чай он с ними замаялся?

– Ещё как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику бродят.

– Чай, он обносился?

– Ещё как обносился-то, совсем в лохмотьях.

– Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублёв с десятков

денег; отнеси к сынку.

– Изволь, бабушка!

Долго ли, коротко ли, приезжает сын:

– Здравствуй, матушка!

– А ко мне без тебя приходил Никонец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублёв денег.

– Коли так, – говорит сын, – прощай, матушка! Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя – буду тебя и кормить и поить, а не найду – со двора спихну!

Повернулся и пошёл в путь-дорогу.

□Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке:

– Ступай спроси, чего мужик кланяется?

Спрашивает девка:

– Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьёшь?

– Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?

Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке:

– Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да ещё с поросятами. Ну что ж! Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть не пешком идёт на свадьбу.

Запрягли повозку, посадили в неё наряженну свинью с поросятами

и отдали мужику; он сел и поехал назад.

□ Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает:

– Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра – моей жене сестра, и просил её к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане.

– Я знаю, – говорит барин, – ты её отдала.

– Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парю лошадей.

– Да откуда мужик-то?

– Не знаю, голубчик!

– Это, выходит, не мужик – дурак, а ты – дура!

Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца^[1] и поскакал в погоню.

□ Слышит мужик, что барин его нагоняет, завёл лошадей с повозкою в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле.

– Эй ты, борода! – закричал барин. – Не видал ли – не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Ещё у него свинья с поросятами в повозке.

– Как не видать! Уж он давно проехал.

– В какую сторону? Как бы мне его догнать!

– Догнать – не устать, да повёрток много; того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?

– Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!

- Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпою сокол сидит.
- Ничего, я постерегу твоего сокола.
- Смотри, ещё выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживёт.
- А что она сто́ит?
- Да рублёв триста будет.
- Ну коли упущу, так заплачу.
- Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет – не ведаю.
- Экой невера! Ну вот тебе триста рублёв про всякий случай.

Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

□ Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплёлся к жене; а мужик уж давно дома.

– Ну, матушка, – говорит старухе, – живи у меня; есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за́ что ни про́ что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублёв денег да свинью с поросятами.

---

[1] – Иноходец – лошадь, основным, естественным аллюром которой является иноходь.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Вор

Жил-был старик со старухой; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят:

– Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти.

Отвечал им Иван:

– Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса!

Выкормили его до уса и говорят:

– Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти.

– Эх, батюшка, и ты, матушка, – отвечает сын, – когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды.

Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят:

– Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до

самой смерти.

– А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!

Тут старик не выдержал, пошёл к барину бить челом на сына.

□Призывает господин Ивана:

– Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?

– Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работаť я не учился, а теперь и учиться поздно.

– А по мне как знаешь, – говорит ему барин, – хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!

Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошёл он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать:

– Эй, кто там есть? Подать босовики^[1]!

А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унёс домой.

– На, батюшка, – говорит отцу, – снимай свои лапти, обувай господские сапоги.

□Наутро хватился барин – нет сапогов; послал за Иваном:

– Ты унёс мои сапоги?

– Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело моё!

– Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?

– Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел послушаться.

– Коли так, – говорит барин, – вот тебе мой приказ: украдь у меня чёрного быка из-под плуга; уворуешь – дам тебе сто

рублей, не уворуешь – влеплю сто плетей.

– Слушаю-с! – отвечает Иван.

□Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под неё петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатарии вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на´сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» – закричали плугатарии и пустились вдогонку за петухом. Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увёл домой.

□Плугатарии гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: чёрного быка нет, а пёстрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; чёрного-то совсем сожрал, а пёстрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою:

– Помилуй, отец, бык быка съел.

– Ах вы, дурачьё безмозглое, – закричал на них барин, – ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!

Позвали.

– Ты быка украл?

– Я, барин.

– Куда же ты девал его?

– Зарезал; кожу на базар снёс, а мясом стану отца да мать кормить.

– Молодец, – говорит барин, – вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями,

за шестью замками; уведёшь – плачу двести рублей, не уведёшь – влеплю двести плетей!

– Изволь, барин, украду.

□Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю – нет ни души, смотрит – висит на вешалке господская одёжа; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам:

– Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу.

Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отпёрли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг всё дело исправили и подвели к крыльцу осёдланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком – только и видели!

□На другой день спрашивает барин:

– Ну, что мой любимый жеребец?

А он ещё с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном.

– Ты украл жеребца?

– Я, барин.

– Где ж он?

– Купцам продал.

– Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского^[2] наставника.

– А что, барин, за труды положишь?

– Хочешь триста рублей?

– Изволь, украду!

– А если не украдешь?

– Твоя воля; делай, что сам знаешь.

□Призвал барин наставника.

– Берегись, – говорит, – стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется.

Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришёл Иван-вор с рогозиным^[3] кошелём и стучится в окно.

– Кто ты, человече?

– Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель.

Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понёс на колокольню. Тащил-тащил.

– Скоро ли? – спрашивает наставник.

– А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива.

□Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки!

– Ох, – говорит, – правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!

– Терпи, спасён будешь! – отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдёт да не ударит по кошелю три раза – да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо, – непременно стегнёт три раза. Идёт барин:

– Что за кошель висит?

Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет

керженский наставник.

– Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!

---

[1] – Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

[2] – Раскольничий.

[3] – Из рогожи (Ред.).

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Слепцы

В Москве белокаменной жил один парень в работниках; задумал на лето в деревню идти и стал просить у хозяина расчета. Только

не много пришлось ему получать денег, всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошёл за Калужскую заставу; смотрит – сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказывает:

– Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку^[1], а сорок восемь копеек дай мне сдачи.

Слепой положил полтинник в свою кошелек и снова затянул:

– Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!

– Что ж ты, старик? Подавай мне сдачу.

А он будто не слышит:

– Ничего, родимый! Ещё солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести.

– Оглох, что ли? Мне самому идти добрых сорок вёрст, деньги в дороге-то надобны!

Взяло мужика горе пуще острого ножа:

– Эй, – говорит, – старый чёрт! Подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!

И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал:

– Батюшки, грабят! Караул, караул!

□Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про себя, от греха уйти, а то не ровён час – прибегут караульные, да ещё в город поведут! Отошёл шагов с десяток али больше, остановился на дороге и всё глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нём лежали: один с правого боку, другой с

левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетёшься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит:

– Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?

Стал он шарить^[2] с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю». Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплёлся на одном костыле; следом за ним пошёл и мужик.

□Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошёл слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпёр свою келью; только он отворил дверь настежь – а мужик поскорей туда, забрался наперёд его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю, – думает, – что дальше будет?» Вот слепой пошёл в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку – так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погодя тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое – так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не он под руку попался, ещё дня три просидел бы на дороге».

□Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему, – думает мужик, – полно ему, старому чёрту, куражиться!» – и тотчас к рукам

прибрал бочонок с деньгами.

– Ишь, зацепил за лавку! – говорит слепой и пошёл щупать; щупал, щупал – нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал:

– Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!

□Пришёл Пантелей – такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил.

– Что такое? – спрашивает он.

– Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался – сам не ведаю; шутка ли – пятьсот рублёв денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было.

– Поделом вору и мука! – сказал Пантелей. – Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребёнок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот рублёв, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на неё никто не польстится!

□Мужик услышал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздём прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хватать его по рылу:

– У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие зарисься!

Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушёл; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

---

[1] – Семитка – монета в 2 копейки.

[2] – Искать.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Знахарь

Жил бедный да продувной мужичок, по прозванью Жучок; украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает:

– А что за работу дашь?

– Пуд муки да фунт масла.

– Ладно!

Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан. Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут,

его и увёл да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит: «Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан». Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублёв, и пошла об нём слава по всему царству.

□ Вот на беду пропало у царя его венчальное кольцо; искать-искать – нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю. «Вот когда попал-то, – думает мужик, – как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зайдёт, куда Макар и телят не гонял!»

– Здравствуй, мужичок, – говорит царь, – поворожи-ка мне; отгадаешь – деньгами награжу, а коли нет – то мой меч, твоя голова с плеч!

Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату: «Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов».

□ Знахарь сидит в той комнате да думает: «Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар. «Что, братцы, – говорят они меж собой, – как этот ворожейка да узнает нас? Ведь тогда нам смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего – и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего – станем просить его, чтоб царю-то не доказывал».

□ Пошёл лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил:

– Слава тебе господи! Один уже есть, остаётся двух ждать.

У лакея душа в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам:

– Ах, братцы, ведь меня узнал; только я к двери, а он кричит: один уже есть, остаётся двух ждать!

– Постой, я пойду! – сказал кучер; пошёл подслушивать.

Запели вторые петухи, а мужик:

– Слава тебе господи, и два есть, остаётся одного ждать.

– Эх, братцы, и меня узнал.

Повар говорит:

– Ну, если и меня узнает, так пойдём прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать.

Пошёл подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился:

– Слава богу, все три есть! – да поскорей в двери – бежать хочет; а воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят:

– Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!

– Ну, так и быть, прощаю вас!

□Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол. Наутро царь спрашивает:

– Что, мужичок, как твои дела?

– Выворожил; кольцо твоё укатилось под эту половицу.

Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошёл в сад гулять. Идёт по дорожке, увидал жука, поднял его и воротился к знахарю:

– Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?

Мужик испугался и говорит сам себе:

– Что, попался, Жучок, царю в руки!

– Так, так, твоя правда! – сказал царь, ещё больше его

наградила и с честью домой отпустила.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Ворожея

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что ещё в поле не сможет хорошо работать. Вот они дожили до того, что им пришлось – и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

□Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге:

– Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лоцину, и там поколь^[1] пусти их.

Малый её был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошёл да и свёл где-то лошадушек, и сделал всё так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

□Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть найти знахаря, чтобы поворожить, хошь^[2] бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Сем-ка^[3] пойдём к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают:

– Бабушка-кормилица! Мы слыхали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки.

Вот бабушка и кажет им:

– Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то^[4] нет! Удушье, родимые мои, меня замучило.

А они ей кажут:

– Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма^[5], а мы тебе за работу заплатим.

□Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит):

– Эка притча^[6]. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаким-то месте, в кусте привязаны.

Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек^[7]. Пришли в сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

□Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болеть на её приключилась. Они стали её униженно просить ещё им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря:

– Мочи нет, и старость-то осилила! – а всё для того, чтобы больше дали ей за труды-то.

Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит:

– Ступайте, ищите их в этакой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнёхонько ваши!

Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь – а там их лошади ходят целёхоньки; они взяли их и повели домой.

□Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во´как: что ни скажет – быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошёл этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куда. Вот как он услышал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб её к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей – Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они приехали к бабке и почти силом^[8] её посадили в карету и повезли к барину. Дорогой

бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон^[9] да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрятал туда, куда ворон и костей моих не занёс. Ох, плохо дело!»

□Самон это подслушал, да и кажет:

– Чуешь^[10], Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!

Андрюха ему гуторит:

– Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось.

А Самон ему баает:

– Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит.

А старуху самое берёт страх и горе: вот она, посидя немного, опять своё твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы этакой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислухивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за своё примется: «Мамон да брюхо» – и бесперечь со страстей^[11] всё своё несёт. Как ребята это услышали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая всё твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

□Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху:

– Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на

нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим.

А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась^[12], и страсть с неё вся соскочила – как рукой сняло, да и спрашивает их:

– Где же вы, детушки, всё это дели?

Они гуторят уж с плачем:

– Что, родимая, чай нас сам окаянный^[13] соблазнил, что грех такой сделали.

Бабушка опять спрашивает:

– Да где же они?

Вот они и гуторят:

– Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать^[14], покуля пройдёт такая непогодь.

□ Вот они, сгуторившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидал, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял её под руки к себе в хоромы^[15], начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего её душеньке угодно, и, напотчевавши её досыта, давай просить её, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме своё несёт, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет:

– Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своём дому, хошь – сядь, а хошь – ляжь, если уж тебе не вмоготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да ещё я найду свою пропажу, то не только угощу, а ещё и награжу тя чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды.

□ Вот старуха, переминаясь, как бы её и в самом деле лихая

болезнь изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, всё пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит:

– Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит.

Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это всё отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и ещё кое-чего очень довольно, да ещё и напредки^[16] обещался её не оставлять за такую услугу; потом, угостя её хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя ещё на дорогу кое-чем по домашнему. Дорогой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хоть знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей ещё денег.

□С этих пор наша старуха ещё боле прославилась и стала жить себе – не тужить, и не только что хлебушка стало у неё вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мёд-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

---

[1] – Поколь, покель – пока.

[2] – Хотя.

[3] – Союз предположительный.

[4] – Уменьшительное от слова: мочь (сила).

[5] – Даром.

[6] – Притча – непредвиденный, несчастный случай.

[7] – Живот, животное – лошадь.

[8] – Насильно.

[9] – Деньги.

[10] – Слышишь.

[11] – Со страху.

[12] – Схаменуться – опомниться, спохватиться.

[13] – Нечистый дух.

[14] – Плотина.

[15] – В комнаты.

[16] – Наперёд.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Дока на доку

Пришёл солдат в деревню и просится ночевать к мужику.

– Я бы тебя пустил, служивый, – говорит мужик, – да у меня свадьба заводится, негде тебе спать будет.

– Ничего, солдату везде место!

– Ну, ступай!

Видит солдат, что у мужика лошадь в сани запряжена, и спрашивает:

– Куда, хозяин, отправляешься?

– Да, вишь, у нас такое заведение: у кого свадьба, тот и поезжай к колдуну да вези подарок! Самый бедный без двадцати рублёв не отделается, а коли богат, так и пятидесяти мало; а не отвезёшь подарка, всю свадьбу испортит!

– Послушай, хозяин! Не вози, и так сойдёт!

Крепко уверил мужика, тот послушался и не поехал к колдуну с гостинцами.

□ Вот начали свадьбу играть, повезли жениха с невестой закон принимать; едут дорогою, а навстречу поезду бык несётся, так и ревёт, рогами землю копает. Все поезжане испугались, а солдат усом не мигнёт: где ни взялася – выскочила из-под него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцепилась – бык так и грохнулся наземь. Едут дальше, а навстречу поезду огромный медведь.

– Не бойтесь, – кричит солдат, – я худа не допущу!

Опять где ни взялася – выскочила из-под него собака, кинулась на медведя и давай его душить; медведь заревел и издох. Миновала та беда, снова едут дальше; а навстречу поезду заяц выскочил и перебежал дорогу чуть-чуть не под ногами передней тройки. Лошади остановились, храпят, а с места не трогаются!

– Не дури, заяц, – крикнул на него солдат, – мы опосля поговорим с тобой! – и тотчас весь поезд легко двинулся.

Приехали к церкви благополучно, обвенчали жениха с невестой и отправились назад в свою деревню. Стали ко двору подъезжать, а на воротах чёрный ворон сидит да громко каркает – лошади опять стали, ни одна с места не тронется.

– Не дури, ворон, – крикнул на него солдат, – мы с тобой опосля потолкуем.

Ворон улетел, лошади в ворота пошли.

□ Вот посадили молодых за стол; гости и родичи свои места

заняли – как следует, по порядку; начали есть, пить, веселиться. А колдун крепко осердился; гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать – и то дело не выгорело! Вот пришёл сам в избу, шапку не ломает, образам не молится, честным людям не кланяется; и говорит солдату:

– Я на тебя сердит!

– А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять.

– Давай!

Взял колдун со стола ендову^[1] пива, налил стакан и подносит солдату:

– Выпей, служивый!

Солдат выпил – у него все зубы в стакан выпадали!

– Эх, братец, – говорит солдат, – как мне без зубов-то быть? Чем будет сухари грызть?

Взял да и бросил зубы в рот – они опять стали по-прежнему.

– Ну, теперь я поднесу! Выпей-ка от меня стакан пива!

Колдун выпил – у него глаза вылезли! Солдат подхватил его глаза и забросил неведомо куда. Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служивого бога молить.

---

[1] – Ендова – низкий большой медный сосуд для питья.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Морока

Жил-был старик да старуха. Пришёл бурлак и просится ночевать. Старик пустил:

– Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы всю ночь сказки сказывал.

– Изволь, буду сказывать.

Ну, вот хорошо; полез старик с бурлаком на полати, а старуха сидит на печи – лён прядёт. Бурлак и думает про себя: «Дай-ка, разве подшутить над ним!» – и оборотил себя волком, а старика медведем.

– Побежим, – говорит, – отсюда, – и побежали в чистое поле.

Увидал волк старикову кобылу и говорит:

– Давай съедим кобылу!

– Нет, ведь это моя кобыла!

– Ну да ведь голод не тётка!

Съели они кобылу и опять побежали; увидели старуху, старикову-то жену, – волк опять и говорит:

– Давай съедим старуху!

– Ой, да ведь это моя старуха, – отвечает медведь.

– Какая твоя!

Съели и старуху. Так-то медведь с волком лето целое пробегали; настанёт зима.

– Давай, – говорит волк, – засядем в берлогу; ты полезай дальше, а я наперёд сяду. Коли найдут нас охотники, так меня первого застрелят; а ты смотри, как меня убьют, начнут кожу сдирать, – ты выбеги, да через кожу-то переметнись, и обернёшься опять человеком.

Вот лежат они в берлоге; набрали на них охотники, сейчас застрелили волка и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит, да кувырк через волчью шкуру – и полетел старик с полатей вниз головою.

– Ой, ой! – заревел он. – Всю спину отбил!

Старуха кричит:

– Что ты, чёрна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был.

– Да вот почто, – и начал рассказывать: – Ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьём были: он – волком, я – медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!

Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: «Ай да бурлак! Славно подшутил!»

     (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...